

Канон изображения эпического героя на материале средневекового манденгского эпоса о Сундьяте

Эпический жанр – высшая точка развития фольклорной традиции, как в смысловом, идеологическом отношении, так и с точки зрения художественной формы. Внутри жанра, вмещающего множество стадийных и промежуточных ступеней – архаический эпос (еще тесно связанный с мифологией), династийные ”придворные” предания, героическая и богатырская сказка, генеалогические и “исторические” (т.е., собственно, как уточняет Е.М. Мелетинский, квазиисторические) легенды и предания, героические и хвалебные песни, классический эпос, – первенство безусловно принадлежит классической эпике, вобравшей в себя и переработавшей множество представлений и элементов традиционного наследия. Вместе с тем эпос – это абсолютно новый жанр, в сложнейшем процессе оформления которого, его внутреннем развитии, охватывающем и образную систему, и сюжетику и выражающемся в преодолении мифологических представлений, рационализации отдельных элементов, характеристик и мотивов, происходит переориентации всего исходного материала в соответствии с основным стержнем повествования – лейтмотивом эпического цикла, связанным с той или иной национальной идеей.

Лейтмотив эпических преданий – явление сугубо специфическое для каждого конкретного эпоса, обусловленное всем комплексом историко-этнографических, стадийных и региональных различий. В эпическом наследии народов субсахарской Африки можно выделить эпос о Лианжа, отразивший историю миграции племен монго-нкундо в бассейн Конго (“эпос миграций”); эпический цикл о Фаране, посвященный борьбе сорко за свои права на речные угодья Нигера с другими племенами – как автохтонами, так и завоевателями-пришельцами (“эпос племенных войн”); предания суахили о Лионго Фумо, повествующие о борьбе за власть среди представителей правящего рода; государственный эпос манденгов (малинке) о Сундьяте, посвященный истории возникновения величайшей державы суданского средневековья – Мали¹. Образ эпического героя, сочетающего в себе богатырские, героические и “чудесные” характеристики, приобретает черты исключительности, избранности, непревзойденности по всем параметрам, что становится залогом его победы. Масштабность его героических деяний возрастает в “государственных” эпосах, равно как возрастает и апологетичность эпического героя.

В своей развитой форме эпос – будь то “государственный” эпос манденгов или стадийно гораздо более ранний “этнический” эпос монго – утверждается как “официальная история”, своего рода идеология данного народа или круга родственных племен. Как таковой, он органично включается в существующую систему представлений, на фоне и на почве которой он возникает (ср. мифологическую предысторию эпического героя, отмеченные мусульманским влиянием генеалогические вводки и др.), и окончательно узаконивается посредством соответствующих обрядов, ритуалов, жертвоприношений и т.п., непосредственно связываемых с эпическим героем.

Мифологическая компонента, характерная для архаического эпоса, для которого она является основой, также присутствует и в классическом эпосе, хотя и ограничивается в этом случае определенными рамками – главным образом, предысторией героя, характеристиками его эпического противника, некоторых второстепенных персонажей. В этих эпизодах отчетливо проявляется “язык” мифа, характерный для мифологических представлений. Но и с самим эпическим героем могут связывать мифологические мотивы, в особенности во

“второстепенных” версиях, так сказать, “втором эшелоне” эпических преданий, отмеченных снижением “эпичности” и сближающихся с текстами скорее сказочного характера.

Наличие в эпическом повествовании элементов мифологических представлений не является случайным фактором, своего рода остаточным реликтом, если оценивать это с точки зрения непрерывности и преемственности фольклорной традиции. Существует и еще один существенный аспект. И привлечение мифологии, и тенденция обращения к мусульманской агиографии в генеалогическом списке эпического героя вполне объяснимы, если учитывать тот факт, что “государственный” эпос о Сундьяте – привилегия, так сказать, “хлеб” профессиональных сказителей, *дьели*, или гриотов (согласно принятому у многих исследователей наименованию).

Гриоты составляли в обществе манденгов особую касту и насчитывали на протяжении нескольких веков целые династии². Каждая деревня имела своего гриота, знавшего историю как деревни, так и всей области и населявших ее племен. История же вождей и царей предназначалась не для широкой аудитории, а для ограниченного круга “знатных”. У каждого правителя был свой гриот, исполнявший должность советника, хранителя традиций, “официального историка”, а также глашатая, устами которого *манса* (правитель) объявлял свои решения. Согласно эпическому преданию манденгов, отец Сундьяты перед смертью, по обычаю властителей манденгов, подарил ему – как наследнику – гриота (сына своего собственного гриота). От него Сундьята должен был узнать историю предков и научиться управлять страной манденгов по законам, завещанным предками. Позднее единокровный брат, узурпировавший престол манденгов, отнял у Сундьяты гриота, посягнув тем самым на долю Сундьяты в наследстве. Он отправил гриота Сундьяты во главе посольства к царю страны Сосо – Сумаоро, а тот, в свою очередь, оставил гриота себе. Как гласит предание, “после этого война между Сундьятой и Сумаоро становится неизбежной”. Напомним в этой связи предпосланное версии эпического предания в записи Дж.Т.Нианя [Niane 1960] “Слово” сказителя Мамаду Куяте³. В “Слове” гриот формулирует свою позицию, роль сказителя в обществе манденгов и свое понимание значимости этой роли.

Несомненно, что роль гриотов не сводилась только к заучиванию и исполнению текстов, можно говорить и о непосредственном участии – в особенности это касалось гриота, состоявшего при правителе, – в создании, организации и “конструировании” самого эпического текста. Это позволяет взглянуть на “многослойность” эпического текста – элементы мифологии, мусульманские реалии и собственно эпический текст, являющийся основной частью, – как на вполне осознанную попытку гриотов, выполнявших, в сущности, социальный заказ, – обосновать всеми доступными средствами “официальную” историю народа, какой несомненно мыслился “государственный эпос”, а также обосновать апологетизм образа правителя государства. Манденгский эпос, может быть, более, чем какой-либо другой, благодаря этим двум существенным моментам – масштабности тематики (становление государственности) и чрезвычайно развитому институту профессиональных сказителей – являет собой один из лучших образцов эпической классики.

Эпос о Сундьяте был записан от сказителей Судана, Сенегала, Гвинеи, Гамбии во множестве вариантов, среди которых исследователи различают “официальные” сказания и народные легенды. К “официальным” относят предания, хранимые профессиональными сказителями. “Официальные” предания отличаются большей статичностью текста, передаваемого от поколения к поколению, и его относительной строгостью, – так сказать, “историчностью”, на которую претендуют эти традиции.

Это касается главным образом генеалогии – тех частей предания, которые связаны с предками и потомками Сундьяты, и в этом версии традиционалистов нередко существенно различаются между собой, что объясняется в значительной мере тем, что различные школы традиционалистов согласовывали генеалогию клана, который они обслуживали, с родословной

Сундьяты через его сыновей или других родственников. “Прикрепленность” хранителей традиции к правителям, подвиги которых они воспевали, породила определенную ориентацию преданий (“цензура господствующего класса”, по выражению В.М. Жирмунского). Кроме того, несколько исторически сложившихся в северном и южном Мали центров традиционалистов отражали в своих версиях особенности истории региона, что нередко приводило к несоответствиям и даже к противоречиям в текстах.

Гриоты, бывшие хранителями этих своеобразных “исторических архивов”, проходили длительное, многолетнее обучение, прежде чем получали свое звание – *дьели* (мастера слова). Обучение начиналось с заучивания наизусть длинных генеалогических списков – династийных родословных, которые затем дополнялись подробностями, характеризующими деятельность тех или иных правителей. Генеалогические списки произносились скороговоркой, иногда монотонно и несколько нараспев, а вставки-дополнения звучали как своего рода поэмы.

В ряде областей существовали целые деревни гриотов. Большим влиянием пользовались гриоты Диабате деревни Кейла возле г. Кангаба (Кааба, Ка-ба). Здесь совершенствовались в своем искусстве под руководством Диабате уже прошедшие предварительное обучение гриоты Судана, Сенегала, Гвинеи, Гамбии. В Кангабе находилось святилище Каман болон, по преданию воздвигнутое одним из потомков Сундьяты и воспроизводившее древнее святилище одной из древнейших династий Кейта (к которой принадлежал Сундьята), некогда существовавшее неподалеку от Кри в местности, считавшейся родиной Кейта Кангабы. В святилище хранились фетиши (по некоторым версиям, даже самого Сундьяты) и мусульманские реликвии.

Каждые семь лет перекрывали крышу святилища, что сопровождалось церемониями и обрядами, которым придавалось большое значение. Хранителями святилища Каман болон были Кейта Кангабы, а привилегией гриотов из деревни Кейла – Диабате было совершение обрядов, связанных с ревностно сохранявшейся историей Манденга – “тайнами Манденга” (миф о сотворении, история мифических предков, генеалогии Кейта и родственников им или союзных с ними кланов, а также история Мухаммеда).

Эпические сказания о Сундьяте представляют собой классическую эпическую поэму со всеми ее характерными особенностями. В них отразилась государственная консолидация манденгов и родственных племен, возглавленных Сундьятой, стоявшим у истоков могущественной державы – Мали.

Говоря об эстетике классической эпической поэмы, следует, в первую очередь, упомянуть об особом “языке” повествования, который формируется в эпических преданиях, опирающихся уже не на космогонические мифы, как архаические эпосы, а на исторические легенды, поскольку в эпосе, и особенно в его классическом варианте, тема “начала мира” (“мифическое время”) уступает место теме “начала национальной истории” (“эпическое время”). В классических образцах эпоса, рассказывающих о событиях далекого, но уже “исторического” прошлого, повествование оперирует этническими терминами, географическими названиями, историческими именами племен и государств, вождей и царей. В описании эпического героя – воина, защитника и освободителя народа, победителя захватчиков – на первое место выдвигается героическая этика и эстетика, формируется эпико-героическая идеализация, неотъемлемая от эпоса (см. [Мелетинский 2004; Мелетинский 1976]).

Одним из первых источников по истории Сундьяты являются сообщения средневековых арабских авторов (и в частности Ибн Халдуна), чьи материалы также привносили разночтения с манденгской традицией (в особенности в написании имен одних и тех же персонажей – арабские авторы давали им мусульманские имена, а в традициях они фигурировали под именами малинке; к тому же у традиционалистов официальные имена представителей династии зачастую заменены прозвищами, связанными с их военной или охотничьей деятельностью, приверженностью к мусульманской религии и т.п.). Что касается самого Сундьяты, “героя

многоименного” (как его называет эпическая традиция), у него множество прозвищ, по-разному истолковываемых исследователями⁴.

Среди многочисленных собирателей и исследователей, записавших, опубликовавших и прокомментировавших эпическое предание о Сундьяте, начиная с XX в., упомянем Л.Фробениуса [Frobenius 1925], М.Делафосса [Delafosse 1959] (перевод анонимной арабской рукописи), Ш.Монтея [Monteil 1964], Ж.Видаля [Vidal 1924], Г.Иннеса [Innes 1974], М.Сидибэ [Sidibe 1959], Дж.Т.Нианя [Niane 1960a], Камара Лея [Laye Camara 1978] и др.

Существующие версии манденгского эпоса весьма неравнозначны и представляют собой более или менее краткие пересказы предания или его фрагментов. Исключение составляют записи гвинейского историка Дж.Т. Нианя (первая по времени публикация – 1960 г.) и гвинейского писателя Камара Лея, дающие полный текст предания. Запись Дж.Т. Нианя основана на материалах, полученных от сказителя Мамаду Куяте (округ Сигири, Гвинея); существуют также и другие сообщения Нианя по теме, основанные на традициях областей Диома и Хамана, а также на преданиях традиционалистов деревни Кейла [Niane 1960b; Niane 1975a; Niane 1975b]. Версия Камара Лея основана на записи, сделанной им в 1963 г. от гриота Бабу Конде (Хамана, округ Куруса, Гвинея).

Тексты версий Нианя и Камара Лея идентичны: соответствие сюжетной структуры обоих текстов, действующих лиц, “географии” предания (локализация тех или иных эпизодов, маршрут изгнания Сундьяты), хроники войны Сундьяты с Сумаоро и др. Это позволяет считать эти две записи единой версией предания – версией Нианя–Лея. Вместе с тем отметим и ряд особенностей публикации Камара Лея. Его запись во многом дополняет текст Нианя, отличаясь большей подробностью в описании отдельных эпизодов (свадебный обряд матери героя – Соголон; гадание его отца с целью узнать тотемы Соголон – буйвол и пантера; церемонии, связанные с рождением героя, наречением новорожденного и др.), а также в описании хода военных действий между Сундьятой и его противником и т.д. Текст Камара Лея, может быть, более наглядно, чем запись Нианя, демонстрирует характер и особенности “официальной” традиции. Он изобилует вставками, посвященными истории и генеалогии “царств” и династий, упоминаемых в ходе повествования. Эти вставки, несущие самостоятельную информацию, обогащают историко-этнографический аспект эпического предания, однако значительно перегружают его в художественном отношении, утяжеляя структуру предания и нарушая органичность его архитектоники. При этом “историчность” и “этнографичность” текста Камара Лея плохо сочетаются с довольно значительной его беллетризацией.

Другие известные записи (материалы Ш. Монтея, Ж. Видаля и др.) более или менее близки к версии Нианя–Лея. Различия касаются главным образом происхождения Сундьяты – отец и его статус, число его жен и детей, а также локализация тех или иных событий, описываемых в предании.

Тексты, опубликованные в 1974 г. Г. Иннесом, включают три версии предания о Сундьяте (здесь – Суньята). Публикация ценна прежде всего тем, что представляет собой научную запись: в книге дается двуязычный текст, сопровождаемый лингвистическими и этнографическими комментариями, упоминаются обстоятельства записи, приводятся сведения о гриотах-исполнителях (в том числе материалы Энтони Кинга, относящиеся к музыкальной части исполнения, идентификации музыкального аккомпанемента и т.п.). При всем этом материалы Иннеса уступают принятой нами за основную версию Нианя–Лея, представляя собой не только периферийные варианты (мандинка Гамбии), но и продукт творчества сказителей в условиях современности. “Периферийность” версий, записанных Г.Иннесом от гриотов Гамбии, обусловлена и тем, что они не принадлежат к роду гриотов правящей династии древнего Мали (Манденга). Соответственно при отсутствии фокусировки на образе Сундьяты снижается эпичность и героя, и самого предания.

Общим (и обязательным) для “официальной” традиции является генеалогический список – родословная Сундьяты, предваряющая эпическое повествование. Согласно различным официальным традициям, известно несколько вариантов родословной Сундьяты. По версии Дж.Т.Нианя (в традициях *дьели* клана Куяте), сочетающей традиционные верования с представлениями, связанными с исламом, список клана Кейта открывает Билали Бунама⁵, “верный слуга пророка Мухаммеда”. Старший из его сыновей, Лавало, покинул Мекку и поселился в стране манденгов. Его сын, Латал Калаби, завоевал страну между реками Джолиба (Нигер) и Санкарани. Лахилатул Калаби, сын Латала Калаби, был знаменит тем, что первым из черных властителей совершил паломничество в Мекку. На обратном пути его ожидали тяжкие испытания, но за свою праведность он был спасен Аллахом и после семилетнего отсутствия все же возвратился в страну манденгов.

Правнук Лахилатула Калаби – Мамади Кани – был знаменит уже в духе традиций манденгов. Этому царю-охотнику приписывают изобретение охотничьего свистка – *симбона*, он вступил в общение с духами леса и бруссы, и они открыли ему все тайны – охоты, знахарства и др., он был любимцем покровительствующих охоте божеств – Кондолон и Сане. Все его четыре сына также были посвящены в тайны охоты, заслужив титул великого охотника – *симбона*. Из своих многочисленных учеников Мамади Кани создал войско, с которым победил все страны, простиравшиеся от реки Санкарани до Буре, и стал царем обширной страны. Его сын, Бамари Таньогокелин, Царь Мстительный, при помощи войска заставил все народы опасаться Манденга. Праправнук его сына, Симбона Бамари Таньогокелина – Маган Кон Фатта, прозванный Фрако Маган Кеинь (Маган Красивый), отец великого Сундьяты, установил мир во всей стране.

После Сундьяты государством манденгов правили многие цари: Хиджи Манса Муса, известный также как Канку Муса (1307–1332), “любимый богом”, тот, что построил в Мекке дом для паломников из страны манденгов, он основал множество новых городов, ныне исчезнувших; а цари Манса Саманка, Фадима Муса расширили границы страны, но ни один, как гласит предание, не мог сравниться с Сундьятой.

Все списки построены как перечни имен правителей, включая и потомков Сундьяты, с соответствующими характеристиками. Именно эти вставки-характеристики нередко представляют собой смешение различных мотивов. Так, согласно материалам Фробениуса, происхождение клана Кейта связывают с мифологическим мотивом – оно ведется от первого человека, Мамата (Мамата – Билали и т.д.). По материалам арабской рукописи в переводе М.Делафосса, Сундьяте приписывают “введение земледелия” – характерное деяние культурного героя, – трансформировавшийся в предании в мотив “введение Сундьятой земледелия в Мали”. В то же время во фрагменте списка, приводимом Ш.Бёрдом (Ch.Bird – цит. по [Dorson 1973]), и в версии М.М.Диабате [Diabate 1970] этот мотив оформлен уже скорее как сказочный и связывается с сыновьями Билали (у Диабате – внуками). Билали отправил своих трех сыновей из Мекки в Манде, чтобы они основали там “Город земледельцев”, и вручил им ларцы с разным содержимым – золотом, древесной корой и землей. Средний и младший братья потребовали от старшего раздела его золота, но тот стал возражать, так как “раздел их ослабит”, и предложил владеть всеми дарами сообща. Их спор разрешил некий человек по имени “Тайна”, разъяснив братьям волю Билали: “Земля стоит золота. А кора деревьев стоит земли. Но важнее всех трех, вместе взятых, обработка земли – земледелие” Согласившись с ним, трое братьев основали деревню Ки (Земледелие)⁶.

Однако более всего преобладают в генеалогической вводке привнесенные позднее мотивы, связанные с исламом. Исламизация коснулась не только характеристики предков эпического героя, но и образа самого Сундьяты – неоднократно говорится о паломничестве в Мекку; в предании фигурируют марабуты, персонажи нередко носят мусульманские имена,

многочисленны упоминания Аллаха, обращения к нему и т.п. Согласно версии Камара Лея (значительно более исламизированной по сравнению с версией Нианя), возвращаясь в Манденг (здесь – Манден) по окончании своего изгнания, Сундьята облачается в мусульманскую одежду и “белый тюрбан мусульманских царей” (в этом же одеянии, а не в традиционной одежде воина-охотника он предстает в решающий момент его битвы с Сумаоро. Перед возвращением на родину Сундьята обращается к Аллаху: “Аллах, Всевышний, я собираюсь отправиться в Манденг, захваченный Сумаоро, чтобы восстановить там законную власть. Молю тебя, помоги мне!..” После победы над Сумаоро Сундьята велел принести в жертву сто быков – чтобы возблагодарить Аллаха.

В той или иной вариации Сундьяте приписывали “исламизированное” происхождение. Так, согласно одной из версий Г.Иннеса (записанной от гриота Банна Кануте), само рождение Сундьяты (здесь – Суньяты) происходит по воле Аллаха. У родителей Сундьяты до него было сорок сыновей (после двадцати беременностей матери). Пророк отправил к их отцу посыльного с просьбой, чтобы тот отпустил сыновей сражаться в Хайбара. Там все они погибли. Узнав об этом, их отец воскликнул: “Хвала Аллаху, Господину миров! Я должен быть благодарен моему создателю, ведь даже если сам я ничего не совершил ради него такого, за что был бы удостоен рая, то благодаря моим рожденным в браке сорока сыновьям, которые погибли в священной войне, моя жена и я обретем спасение в ином мире”. И тогда пророк вознес молитвы Аллаху и просил его ниспослать родителям Сундьяты счастье. Аллах превратил мать Сундьяты в четырнадцатилетнюю девушку, и та забеременела Сундьятой.

Наличие элементов исламизации в предании о Сундьяте исследователи связывают с исламизацией его исполнителей – *дьели* (не говоря уже о письменных арабских источниках) [Monteil 1964]. Дианго Сиссе подчеркивает, что традиционалисты малинке, прекрасно знавшие “традиции Мекки”, часто прибегали к заимствованиям – с целью придать малинке “божественное (мусульманское) происхождение” [Cisse – Diabate 1970].

Однако эта исламизация остается поверхностной, не проникая в структуру предания в качестве сюжетообразующих элементов – за исключением “исторической” части предания, генеалогии династии Кейта. Так, в версии Эдема [Adam 1904] исламизация сводится к простой замене некоторых персонажей “классической” (основной) версии – колдунов, *дьели* и советников царя – марабутами, к упоминанию мечетей и тому подобных элементов.

Элементы исламизации в эпическом предании о Сундьяте следует рассматривать не только как результат внешнего влияния, связанного с распространением ислама в странах Западного Судана, но и как проявление фактора, действующего внутри эпической традиции и в какой-то мере ее “организующего”, способствующего ее включению в существующую систему “идеологии”. Не случайно эпическое предание о Сундьяте, исполнявшееся профессиональными сказителями при правящем клане наряду с мифами (история мифических предков манденгов), с одной стороны, и “историей Мухаммеда”, – с другой, являлось необходимой частью церемонии в Кангабе, имевшей “общегосударственное” значение; при этом, как подчеркивает Клод Мейассу, “истолкование обрядов анимистического культа этого святилища не входит в противоречие с исламом” [Meillassoux 1967].

За генеалогическим списком следует история эпического героя, предваряемая повествованием о его родителях, выдержанным в сказочно-мифологическом духе. Большинство известных версий согласуется в том, что отцом Сундьяты был *манса* Маган Кон Фатта, называемый также по имени своей матери, Наре, – Наре Маган. Матерью Сундьяты стала Соголон Кедью, или Соголон Горбатая, девушка племени конде из страны До.

По версии Нианя, явившийся в столицу Манденга – Ниани колдун предсказал Магану Кон Фатта, что он должен взять в жены женщину, которую приведут к нему два охотника, так как она станет матерью того, “кто сделает имя манденгов навеки бессмертным”. Вслед за тем в Ниани явились братья охотники, приведя с собой в подарок *мансе* Соголон.

Младший из братьев получил эту девушку в вознаграждение от *мансы* страны До, убив чудесного Буйвола с золотым хвостом, опустошавшего поля и убивавшего людей. Буйволом оказалась сестра *мансы*, мстившая за то, что брат лишил ее доли в наследстве. Охотники встретили Буйвола в облике старухи, плакавшей от голода. Младший из них пожалел старуху и дал ей мяса. В благодарность старуха открыла им, что она и есть тот Буйвол, на которого они собирались охотиться, и дала им магические предметы, рассказав, как с их помощью охотники смогут ее убить. Старуха-буйвол, “время которой истекло”, сообщила юноше, что он должен выбрать из предложенных ему *мансой* страны До девушек Соголон, которая является ее двойником и станет необыкновенной женой тому, кто сможет овладеть ею.

Когда охотник вручил *мансе* До золотой хвост убитого буйвола и, выполняя предписания старухи, выбрал Соголон, *манса* и все люди стали над ним насмехаться, приняв за безумца: Соголон Горбатая была “некрасивой девушкой, самой безобразной, какую только можно себе представить”. Так как охотник не смог одолеть Соголон, братья решили отдать ее *мансе* манденгов. Но и тот не сразу справился с Соголон. Как только он приближался к чудесной жене-буйволу, она покрывалась длинной шерстью, приводя его в ужас. Тщетно Наре Маган просил совета у марабутов, у великих колдунов страны, его двойник-лев не мог подчинить себе двойника-буйвола Соголон. И только с помощью духа-покровителя царей манденгов, явившегося во сне Наре Магану, ему удалось победить Соголон, и она стала его женой, зачав в эту ночь Сундьяту.

Наряду с мифологическими элементами (тотемы-двойники и их борьба, дух-покровитель), эпизод характеризуется сказочными мотивами (магические предметы; помощь старухи в благодарность за проявленную доброту; предъявление “доказательства” совершенного подвига – золотого хвоста убитого чудесного буйвола; предсказание колдуна).

История Сундьяты соответствует всем характерным закономерностям биографии эпического героя. Его рождению предшествовали **чудесные знамения**: чтобы возвестить о появлении ребенка, “которого ждал мир”, задрожала земля, засверкали молнии, загремел гром и пролился дождь, необычный для сухого сезона.

“Низкое детство”: до семи лет Сундьята, казалось, не оправдывал возлагавшихся на него надежд (“низкий герой”) – он был немощным калекой, волочившим ноги по земле, ползал на четвереньках и отличался необыкновенной прожорливостью. Отец Сундьяты, усомнившись в том, что такой ребенок может стать, как было предсказано, “повелителем мира”, обратился к кузнецу-прорицателю Нуно Фаири, но тот подтвердил предсказание необычной судьбы Сундьяты, в чем его поддерживал также гриот Наре Магана – Ньянкуман Дуа. Однако после смерти Наре Магана, не посчитавшись с его волей, Совет старейшин, под давлением первой жены покойного *мансы*, Сасумы Берете, провозгласил *мансой* ее сына Данкаран Тумана. Сасума Берете еще до рождения Сундьяты хотела убить Соголон, опасаясь, что ее сына лишат права наследования в пользу ребенка Соголон. Когда же Сасума Берете стала царицей-матерью, уделом Соголон и ее парализованного сына были **издевательства и насмешки над его немощью**. Однажды, когда Соголон попросила у царицы-матери листьев баобаба для приправы, та оскорбила ее, посмеявшись над ее калекой-сыном, и Соголон ударила его, излив на него свой гнев.

Чудесное исцеление Сундьяты. Узнав от матери о происшедшем, Сундьята вызвался принести ей баобаб, вырвав его с корнями, и приказал кузнецам своего отца выковать для него железный брус, чтобы с его помощью стать на ноги. “Хозяин” кузнецов Фаракуру отдал гриоту для Сундьяты огромный железный брус, изготовленный еще его отцом кузнецом Нуном Фаири.

Когда Сундьята, опершись на брус, поднялся на ноги, брус изогнулся в форме лука, – и Сундьята пошел! Гриот исполнил хвалебную песню – “Гимн Луку”. (В варианте, приводимом М.Делафоссом, а также в варианте М.Г.Эдема Сундьята смог встать на ноги только после того, как оперся на жезл своего отца, тогда как крепкие железные брусья ломались. И люди Манде поняли, что Сундьята унаследовал могущество своего отца и будет царствовать не только над Манде, но и над другими странами.)

Богатырство Сундьяты. Его первые шаги были шагами великана. Он вырвал баобаб одним взмахом руки и сбросил его перед хижиной Соголон, чтобы отныне все женщины Ниани приходили к ней за листьями. Сундьята вырос и превратился в богатыря и искусного охотника. Царица-мать поручила девяти великим колдуньям страны манденгов убить Сундьяту, пообещав им вознаграждение. Но для убийства колдуньям нужен был повод, и тогда царица-мать предложила им отправиться в огород Сундьяты, чтобы, когда он их прогонит, они могли упрекнуть его в бессердечии. **Доброта и щедрость** Сундьяты. Вопреки ожиданиям царицы-матери Сундьята щедро одарил колдуний овощами из своего огорода и в придачу дал им мяса – девять слонов из десяти убитых им в тот день. В благодарность колдуньи поклялись отныне охранять его. Вскоре подстрекаемый царицей-матерью Данкаран Туман отнял гриота у Сундьяты и отправил его во главе посольства к царю страны Сосо – Сумаоро Канте. Это было прямым оскорблением.

Изгнание и скитания Сундьяты. Опасаясь дальнейших преследований царицы-матери, Соголон с детьми удалилась в изгнание. Во время своих скитаний они претерпели множество бед, преследуемые злобой и ненавистью царицы-матери. Сначала они остановились в Дьедебе у *мансы* Конкона, великого колдуна, но вынуждены были бежать, так как подкупленный царицей-матерью *манса* хотел убить Сундьяту. Затем они оказались в Табоне, но старый царь Табона, бывший союзником царей Ниани, не захотел ссориться с властителем Ниани и посоветовал Соголон направиться в страну Вагаду. В сухой и безводной Вагаду Соголон заболела, и царь Сумаба Сисе предложил ей отправиться в Мему, ко двору его брата Мусы Тункара, чтобы речной воздух Мемы вернул ей здоровье. **Возмужание** Сундьяты. При дворе Мусы Тункара Сундьята в совершенстве постиг воинское искусство и стал доверенным царя – в отсутствие Мусы Тункара он управлял его государством.

Тем временем в Ниани произошли большие изменения. Приняв посольство манденгов, Сумаоро объявил, что он уничтожит Ниани, если Данкаран Туман ему не покорится. Тот не осмелился послушаться и даже отослал в подарок Сумаоро свою сестру, Нану Трибан. А гриота Сундьяты, Балла Фассеке, Сумаоро оставил при себе и объявил его своим гриотом. Это было вызовом Сундьяте.

Против Сумаоро выступил его племянник (сын сестры), Факоли Думбуйя, так как Сумаоро похитил его жену, совершив тем самым акт кровосмешения (согласно обычаям материнского права). Данкаран Туман откликнулся на призыв Факоли и выступил, чтобы присоединиться к его войску. Но Сумаоро напал на Данкарана, и тот, отказавшись от боя, бежал в леса, где основал впоследствии город Кисидугу. Расправившись с восставшими манденгами, Сумаоро уничтожил их столицу. А себя он объявил царем манденгов по праву победителя.

Призыв спасти страну. Манденги не покорились и, так как предсказатели возвестили, что страну спасет законный наследник, решили разыскать Сундьяту. Под видом торговцев посланцы обходили страны Джолибы (реки Нигер), предлагая на рынках овощи и приправы, выращиваемые в стране манденгов. Когда они пришли в Мему, на рынке их увидела сестра Сундьяты, узнав неведомые людям Мемы овощи и листья баобаба. Через нее посланцы добрались до Сундьяты и призвали его освободить свою страну. В эту же ночь заболела Соголон. Сундьята обратился к Аллаху с просьбой позволить ему мирно похоронить мать в Меме, если ему суждено отвоевать страну манденгов, – и наутро мать Сундьяты скончалась.

Она была похоронена с царскими почестями. Муса Тункара, который хотел видеть Сундьяту своим наследником, рассердился на его неблагодарность, но затем уступил ему.

Подготовка к войне – сбор войска против Сумаоро. Сундьята получил от Мусы Тункара половину его войска, а также подкрепление от царя Вагаду. Разбив высланное Сумаоро ему навстречу войско его сына, Сосо Балла, Сундьята соединился с воинами царя Табона, царем которого стал друг его детства. **Первые сражения.** Сначала произошло сражение с войском Сумаоро в Нагебориа, в Буре. Хотя воины Сумаоро отступили, Сундьята не радовался победе, потому что убедился в неуязвимости Сумаоро: стрелы отскакивали от него, как от скалы, а сам он мог в любое время исчезнуть и вновь появиться в другом месте; ускользая от врагов, он мог принимать шестьдесят девять различных обличий. Чтобы победить Сумаоро, необходимо было раскрыть секрет его неуязвимости и узнать, кто его дух-покровитель. На следующую ночь воины Сумаоро напали на лагерь Сундьяты, но нападение удалось отразить. Затем последовала битва при Канкинье, после чего Сумаоро возвратился в Сосо, чтобы пополнить свое войско.

Клятва в Сиби. Тем временем восставшие против Сумаоро цари стран саванны, цари манденгов собрались в Сиби. Они приветствовали пришедшего в Сиби Сундьяту от имени Страны манденгов, а Сундьята поклялся, что отомстит за оскорбление, которому подверглись манденги, потерявшие свободу.

Подготовка к решающей битве. Чтобы победить, необходимо было **узнать секрет неуязвимости Сумаоро.** Сундьята обратился к прорицателям, чтобы узнать, как лишить царя-колдуна его магической силы. Узнав, что его единокровной сестре Нане Трибан удалось вместе с гриотом Балла Фассеке бежать из Сосо, Сундьята уверился в том, что сможет победить Сумаоро. Нана Трибан, лестью и хитростью выпытал у Сумаоро тайну его неуязвимости, узнала, кто его дух-покровитель – якобы для того, чтобы тоже ему поклоняться (в варианте М.Делафосса – “чтобы не причинить ему зла по незнанию”). Она открыла эту тайну Сундьяте.

Решающая битва при Крине. Сумаоро и Сундьята встретились возле Крины. **Войне мечей предшествовала война слов** (букв. “война ртов”). Начались переговоры царей-колдунов, которые велись через сов⁷.

К Сундьяте присоединился племянник Сумаоро Факоли Курума. Началось сражение. Сундьята повсюду искал Сумаоро. Наконец он пробился к нему и пустил в него стрелу с наконечником из шпоры белого петуха – *таной* (табу) Сумаоро. Раненого Сумаоро, которого сопровождал его сын Сосо Балла, вместе с Сундьятой преследовал Факоли. Сундьяте удалось убить коня Сумаоро, но сам он ускользнул, скрывшись в пещере Куликоро. **Победа над Сумаоро и его союзниками.** Сундьята захватил город Сумаоро – Сосо – и стер его с лица земли. Затем Сундьята разгромил союзников Сумаоро. Разделив войско на три части, он послал в Бамбугу воинов под командованием Факоли Курума, а в горы Фута – войско во главе с Франом Камара. Окончание войны.

Клятва верности Сундьяте в Ка-ба. Сундьята приказал всем военачальникам встретиться в Ка-ба (Кангаба). Там собрались победители и посланцы побежденных. Соратники Сундьяты – двенадцать царей Страны саванн принесли ему клятву верности, и Сундьята провозгласил их своими братьями и союзниками. Гриот Балла Фассеке сложил в честь Сундьяты песню. Сундьята объявил запреты в отношениях между племенами, распределил земли между народами, установил права каждого и скрепил дружбу между народами. Своего гриота Балла Фассеке Сундьята назначил ведать всеми обрядами, сказав, что отныне Кейта будут выбирать себе гриота из его клана Куюте.

Ежегодные собрания в Ниани. Возвратившись в Манденг, Сундьята заново отстроил лежавшую в развалинах столицу – Ниани. Через год Сундьята созвал в Ниани царей и знатных людей государства, и с тех пор эти собрания стали ежегодными. Благополучие и справедливость воцарились в стране благодаря мудрому правлению Сундьяты. Ниани стал столицей могущественного государства. Сундьята похоронен возле Ниани-Ниани, но дух его вечен, и

люди Кейта еще и теперь приходят склониться у камня, под которым покоится “отец манденгов”.

Эпос манденгов о Сундьяте является образцом классического вида этого жанра и вершиной известных нам африканских эпосов. Характеристика эпического героя выдержана в традиционных канонах: это “чудесный” герой, наделенный сверхъестественными (магическими) способностями, и вместе с тем богатырь, превосходящий всех своей физической силой, искусный охотник и воин. Необычайная судьба Сундьяты предсказана еще до его рождения; повинаясь этим предсказаниям, его отец выбирает в жены будущую мать героя, чудесную женщину-буйвола, вопреки ее “низкой видимости” (Соголон горбата и безобразна). Это противопоставление продолжено и в судьбе самого героя, чье “низкое” детство (калека) противопоставляется его будущим победам и подвигам. (В версии Камара Лея судьба Сундьяты отождествляется с судьбой Мали, ставшего из небольшого государства могущественной державой.).

Если сопоставить характеристику эпического героя и его родителей, историю его рождения, то налицо демифологизация образа героя и модернизация архаических мотивов. В образе девушки-буйвола, матери Сундьяты, мифологические представления еще достаточно четко сохранили свою тотемическую природу (хотя и можно говорить о разработке, на основе тотемических представлений, характерного для волшебной сказки мотива о “чудесной жене”), тогда как при изображении эпического героя тотемические мотивы служат скорее средством художественной характеристики образа. Духом-покровителем (двойником) матери Сундьяты считается буйвол, а духом-покровителем рода его отца – лев (по существующим для людей клана Кейта запретам, они не должны употреблять в пищу мясо льва). Однако если тотемы отца и матери – лев и буйвол являются их перевоплощением, то в отношении эпического героя они употребляются просто как его хвалебные имена. Тотемические наименования Сундьяты – “лев” и “буйвол” – уже не несут образности, мифологической заряженности, а выполняют роль художественного средства: “сын женщины-буйвола”, “сын буйвола, сын льва”, “ребенок-лев”, “ребенок-буйвол”. О Сундьяте-калке: “лев ползающий”. Об исцелении Сундьяты: “Встань, львенок, зарычи, пусть брусса знает, что у нее есть хозяин” и “Дорогу! Дайте дорогу! Лев пошел! Антилопы, прячьтесь, лев идет!” О Сундьяте-воине: “он был подобен льву среди перепуганных овец” и “он опаснее льва, ничто не может противостоять ему”; “лев разорвал свои цепи” (о первом сражении Сундьяты с воинами Сумаоро); “у него была сила и величие льва, могущество буйвола”, “лев страны манденгов”. В данном случае можно говорить, по-видимому, о процессе формализации мотивообразующих элементов, переходе их в эпитеты, элементы декоративности, формы. Об этом свидетельствует, в частности, и то свободное обращение с тотемическими именами Сундьяты, которое характерно для текста этого эпического сказания.

В соответствии с характером жанра существенную роль в манденгском эпосе играют этические, моральные категории. В этом плане противопоставлена основная сюжетная позиция Сундьяты и его эпического противника: Сумаоро – завоеватель, объявивший себя царем Манденга, Сундьята – освободитель и законный царь страны по праву наследования⁸. Противоположны и их оценочные характеристики: Сумаоро был воплощением зла. Он пользовался властью для того, чтобы проливать кровь. Лучшим развлечением для него было смотреть, как по его приказу на глазах всего народа бичуют почтенных стариков. Не было семьи, которую бы он не оскорбил; по всем его обширным владениям были раскиданы поселения, где жили насильно похищенные из родного дома девушки – его наложницы. Сумаоро не останавливался ни перед чем – он отнял жену и у своего племянника Факоли (акт кровосмешения). Сундьята же рисуется как справедливый и мудрый властитель. Справедливость Сундьяты простиралась на всех, он защищал слабого. Люди издалека шли к

нему за правосудием, и правые получали награду, а неправые – наказание. В царствование Сундьяты мир познал счастье.

Сундьята является настоящим эпическим героем, его действия не только носят героический характер, но направлены на общее благо, он руководствуется общественными и патриотическими интересами. Выступив против Сумаоро, Сундьята сказал: “Пока я дышу, манденги не будут рабами. Лучше смерть, чем рабство. Мы будем свободны, потому что наши предки были свободными”. И для современных малийцев Сундьята остается эталоном героя и борца за свободу и независимость (см. [Клемм 1966]).

Освободив страну, Сундьята расширил затем границы Мали, присоединив к ней страны саванны, и стал основателем древней империи Мали. Установив права подвластных народов и распределив между ними земли, Сундьята скрепил их дружбу. Справедливость воцарилась повсюду, потому что цари опасались творить беззакония, боясь суда Сундьяты. Сундьята был отцом манденгов, он принес людям мир. После него мир не знал более великого победителя.

Известный апологетизм предания в отношении к “предку Страны Великого Манденга”, “любимому Аллахом” Сундьяте, Манденгу Дьяри, льву страны манденгов, Соголон-Дьяте, Сого Сого Симбон Салабе и т.п., герою многоименному, обусловленный особенностями эпического жанра, усугубляется также и придворным характером манденгского эпоса.

Немаловажную роль играют при этом многочисленные восхваления, включенные в текст, – как традиционные (иногда непереводаемые в силу своей архаичности), так и новые – хвалебные песни, прославляющие царей: в честь Магана Кон Фатта, отца Сундьяты, в честь Сундьяты, Сумаоро и др. К этой же группе относятся песни, исполнявшиеся в связи с чудесным исцелением Сундьяты, песня “Ньяма”, звучавшая во время знаменитого собрания в Сиби, когда Сундьята был признан сувереном всеми царями саванны⁹. Множество песенных и рифмованных фрагментов содержится в записи Камара Лея – заклинания, ритуальные песни, исполнявшиеся во время соответствующих церемоний (свадебная церемония Соголон, наречение эпического героя и др.).

Профессиональные сказители достигали в своем искусстве высокого совершенства. Наиболее полная из известных нам версий Нианя–Лея позволяет оценить ее и с художественной точки зрения. Текст предания, прошедший через несколько поколений сказителей, специально обученных своему мастерству, отличается органичностью и вместе с тем тщательной обработкой сюжетных ходов, обусловленностью ситуаций и эпизодов. Предание, вместившее в себя наряду с архаическими, тотемическими верованиями, магией, древними обычаями и нормами права и мусульманские представления, обряды и нормы как следствие насчитывающей несколько веков исламизации манденгов, при всем синкретизме своего содержания отмечено художественной цельностью и поэтичностью, гармоничностью формы. Это достигается целевой заданностью эпического предания, сосредоточенного на личности и подвигах героя – Сундьяты, “великого среди царей, несравненного среди людей”. Исследователи не раз обращали внимание на тот факт, что традиция манденгов приписывает Сундьяте (или, по существующему выражению, “времени Сундьяты” – Soundiata-Tele) множество деяний как его предшественников, так и последователей (в соответствии с принципом эпической циклизации).

Некоторые из версий, и в первую очередь версии М.Сидибе, Л.Фробениуса, Г.Иннеса, отчасти также версия М.Делафосса (анонимный арабский источник), версия Эдема, которые можно назвать второстепенными, по ряду существенных признаков уступают основной версии Нианя–Лея. Наиболее значительным моментом является относительная сниженность образа эпического героя, равно как и всего пафоса предания. Сундьята версии Сидибе менее “эпичен”, он уже не предстает перед нами “великим” и “несравненным”. В известной степени Сундьята Сидибе противопоставляется Факоли (здесь – Фаганда), “лучшему военачальнику Сумаоро (здесь – Сумангуру)”, которому отводится значительно большее место сравнительно с другими версиями. По словам предания, он сражался так много и успешно, что его правая рука стала

длиннее левой. Одно его имя наводило ужас на противников Сумаоро. Стрела, пущенная Факоли против вражеского войска, убивала сто человек и столько же на обратном пути, когда возвращалась в его колчан. Слава этого героя была так велика, что затмевала самого Сундьяту. Факоли даже приходилось просить своих гриотов приписывать большую часть его подвигов Сундьяте, чтобы не вызвать у того зависть и гнев. В конце концов Факоли все же пришлось бежать от Сундьяты, чтобы спасти свою жизнь. Существенной деталью де-эпизации образа Сундьяты версии Сидибе является и то, что Сундьята – “оплот мудрости и справедливости”, согласно основной версии, – у Сидибе предстает как нарушитель священного договора, заключенного между предками Кейта и фульбе. По одной из версий (от гриота Дембо Кануте), приводимых Г. Иннесом, представляющей собой, собственно фрагмент, посвященный Факоли (здесь – Фаа Коли), последний, совершая свои подвиги, велит гриотам петь восхваления не ему, а Сундьяте (здесь – Суньята). А когда Сундьята отступил на семь шагов перед Сумаоро (здесь – Сумангуру), Факоли угрожает уничтожить касту гриотов в случае, если они осмелятся когда-нибудь упомянуть об этом, и гриоты запели: “Сундьята не отступает! Лучше смерть, чем позор!”

При рассмотрении версии Фробениуса обращает на себя внимание неразвернутая тема подвига эпического героя, сводимая к перечислению сражений Сундьяты с Сумаоро (здесь – Сумангуру), в результате чего Сундьята стал царем Манде. Более того, дальнейшие завоевания Сундьяты, приведшие, согласно основной версии, к расширению Манде и созданию могущественной державы, по версии Фробениуса были вызваны стремлением Сундьяты отомстить за нанесенные ему оскорбления. Так, Дьолофеманса, царь страны Дьолоф, которому Сундьята передал золото за коня Донфе, передал посыльному за это золото пятьсот буйволиных шкур и пятьсот шкур антилоп коба, посоветовав сделать из них сандалии для малинке: “охотникам и пьяницам малинке больше пристало носить сандалии, а лошадь – только для истинных царей, для Дьолофеманса”. Затем в ответ на аналогичные оскорбления (Сундьяту называли “пьяницей”) он посылает войско против Улиманса, царя страны Ули, а позднее и против Ньяниманса.

Такая сниженность подвигов Сундьяты по сравнению с версией Нианя–Лея приводит к декомпенсации образа эпического героя. Сундьята версии Фробениуса – скорее сказочный, чем эпический герой. Он обладает сверхъестественной физической силой и магическими способностями (крик новорожденного Сундьяты убивает восемь женщин; благодаря его магии все мужчины Манде оказались вдруг необрезанными, после того как отец отказал ему в церемонии обрезания, и т.п.). Вместе с тем Сундьята версии Фробениуса не всемогущ (его убивают восемь колдуний, превратив его в быка) и не столь самостоятелен, как в основной версии (ему помогает искусная в магии и колдовстве младшая сестра; его избавляет от могущественного карлика с семью головами, являвшегося ему во сне, Факолобарама, предок клана Коромага).

Отмеченное в ряде версий отступление от канона эпического жанра и соответственно снижение пафоса эпического предания, компенсируется другими художественными средствами фольклора. Можно отметить в этой связи переакцентировку ряда мотивов, усиление сказочных и даже мифологических, этиологических моментов в ущерб эпическим. Так, эпизоды чудесного исцеления Сундьяты, похорон матери, эпизод “Сумаоро отбирает гриота у Сундьяты” приобретают, в изложении Сидибе, этиологический характер и могут быть обозначены соответственно как мотивы “происхождение лука”, “цена земли”, “как балафон (музыкальный инструмент) стал достоянием гриотов”. Подобная трансформация, в свою очередь, отражается на структуре и форме текста, выражаясь в известной аморфности и хаотичности.

Характерные для основной версии патетика, разработанность приемов эпического сказывания, воспринимаемого как особое, торжественное, социально значимое “действие”, не адекватны носящему более камерный характер исполнению сказочно-мифологического

фольклора, к которому тяготеют второстепенные версии. Эпический жанр как одна из сравнительно поздних фольклорных категорий являет собой в художественном отношении, вероятно, наиболее высокоорганизованную структуру, с присущими только ей законами организации текста, динамикой развития сюжета, разработанной эпической поэтикой и стилистикой.

Существенное значение для формирования эпического жанра имеет и форма бытования развитого эпоса. Поединок героя с противником превращается в эпическом цикле в серию героических эпизодов, отдельные мотивы разворачиваются в целые блоки; мотивировка эпизодов и мотивов, определяющая их место в цикле, как бы цементирует всю структуру; дублирование, многократные повторы создают нарастающий ритм действия до его кульминации и т.п., – все это возможно только в пределах обширного цикла. Циклизированная форма способствует, таким образом, наряду с другими факторами (в частности, хвалебная песня как компонент эпического предания) выработке художественно-изобразительных средств эпоса, являющегося наиболее сложной и развитой категорией народного словесно-поэтического искусства.

Примечания

¹ Известно множество вариантов названия страны (*Mande, Mandi, Mali, Malle, Malli, Malel, Melli, Mel, Mellit, Mani*) и вариантов названия народа (*manden, mandin, mandeng, manding*). Жители страны Манденг называли себя *манинка* или *мандинка*. Принятое в литературе этническое название *малинке* (*malinke* “люди Мали”), как и название страны – *Мали* (*Mali, Malle, Malel, Melli*) представляет собой деформацию фульбского от *манинка*. Наименования *Mande, Mandi* – по происхождению сонинке; *Mandi* означает “у господина”, место, местопребывание, резиденция господина, т.е. столица (*ma* “господин”, *di* предлог “у”, *n* – соединительная частица); встречающиеся на средневековых картах наименования *Mel, Mellit* – берберского происхождения, а *Mani* – бамбара (бамана).

² Камара Лей приводит генеалогический список гриотов Куяте: Сораката Куяте – Мундалфа – Фаруку – Фаркан – Кукуба – Батамба – Ниени-Ниени – Камбассиа – Харини – Дикиссо – Дантуман – Калеани – Ньянкуман – Дуа (которого называли также по имени его отца Ньянкуман-Дуа; гриот отца Сундьяты) – Балла Фассали Куяте (гриот Сундьяты). У Балла Фассали Куяте было три сына: Мисса, Мисса-Маган и Батру-Мори (называемый так по имени матери Батру), потомки которых рассеялись по стране Манде [Laye Samara 1978, p.82]. Исследователи [Zemp 1966; Laye Samara 1978, p.82] отмечают, что при создании легенды о предке гриотов – Суракате (Сораката Камара Лея) была использована схема исламской легенды о Билали. Сураката, как и Билали, предстает как спутник, слуга и верный последователь пророка (по одному из источников [Zemp 1966, p.624], родственник – дед Суракаты и дед Мухаммеда были братьями от одного отца и одной матери). Сураката (который, согласно некоторым информантам, жил в Мекке) стал одним из первых обращенных, был побит и заброшен камнями, но не отступился от Мухаммеда и его религии; упоминается также, что он участвовал в священной войне. Однако Сураката не сразу становится последователем Мухаммеда. Напротив, первоначально он не принимал ислама и намеревался убить Мухаммеда. Но это ему не удалось, и Сураката вынужден был признать всемогущество пророка. После этого он стал сопровождать Мухаммеда и воспевать хвалу Аллаху и его пророку; когда Мухаммед давал советы людям, Сураката повторял его слова и объяснял их значение, чтобы все понимали учение пророка. Так он стал гриотом (!).

³ В “Слове” *дьели* Мамаду Куяте говорится:

“Я из рода мастеров слова... С древних времен мы, Куяте, служили Кейта, мы мешки слов, мы мешки, в которых лежат многовековые тайны. Искусство говорить открыто нам, без нас имена царей остались бы в забвении, мы – память людей. Своим словом мы возвращаем жизнь делам и поступкам перед лицом новых поколений... История открыта для нас, и мы открываем ее народу... Я изъяснил царям историю их предков для того, чтобы цари вдохновлялись их

примером, так как мир стар, а будущее исходит из прошедшего. Слово мое свободно, оно чисто от лжи, это слово моего отца, и это слово отца моего отца, и я передам это слово таким же, каким я его получил”.

⁴ Дж.Т.Ниань, Камара Лей и др. связывают этимологию имени Сундьяты с обычаем малинке ставить перед именем сына имя его матери: *Сундьята* от *Соголон Дьята* (*Soundjata* – стяжение от *Sogolon Djata* – *Solon Djata* – *So'on Djata*). Другое имя Сундьяты – *Мари Дьята* истолковывают (Ибн Халдун, Камара Лей) как Властитель Лев (*Mari* ‘властитель’, *Djata* ‘лев’).

⁵ Форма имени в этом и аналогичных случаях, как предполагают, представляет деформацию арабского *Ibn*, или *Ben* “сын”: *Boum*, *Ib*, *Iboun*, *Ibouna*, *Iboumata* и т.п. Не зная значения слова, малинке принимали его за имя собственное (см. [Zemp 1966, p.625]).

⁶ Этот мифологический мотив (“введение земледелия”) получил в эпическом предании вполне современное осмысление. Введение Сундьятой земледелия в Мали наряду с введением торговли и других приписываемых ему экономических и социальных реформ рассматривается традицией как средство укрепления созданной им державы. *Дьели* Диабате приводят песню, “сочиненную на могиле Суньяты” (Сундьяты) и призывающую манденгов заняться земледелием и торговлей: таким образом, Сундьята даже после смерти выступает как фактор стабилизации.

Текст песни, приведенный Д.Сиссе:

Пусть тот, кто хочет заняться возделыванием земли,

Обрабатывает землю!

Пусть тот, кто хочет заняться торговлей,

Торгует!

Поистине, оно наступило, время земледелия!

Поистине, род людской начался с возделыванием земли,

И он кончится, когда перестанут возделывать землю!

[Cisse et Diabate 1970, p.102].

⁷ Переговоры царей-колдунов перед сражением, которые велись через сов [Niane 1960]:

– Остановись, юноша! Отныне я – царь Манденга. Если ты хочешь мира, отправляйся обратно, откуда пришел, – сказал Сумаоро.

– Я вернулся, Сумаоро, чтобы отобрать у тебя свое царство. Если ты хочешь мира, то возмести убытки моим союзникам и возвращайся в Сосо, где ты царствуешь по праву.

– Я царь Манденга силой оружия, мои права утверждены моей победой над Манденгом.

– Тогда я силой оружия отберу у тебя Манденг! Я изгоню тебя из моего царства!

– Знай же, что я – дикий ямс, растущий среди скал, и ничто не заставит меня уйти из Манденга!

– Знай и ты, что в моем лагере есть семь мастеров-кузнецов (*maitres-forgerons*), они расколют скалы – и тогда, ямс, я съем тебя!

– Я – ядовитый гриб, который извергнет из себя даже самый упорный и неустрашимый!

– Ну, а я – изголодавшийся петух, и никакой яд мне не страшен!

– Будь же благоразумен, мальчишка, ты обожжешь ногу, так как я – горячая зола!

– А я – дождь, который затушит золу, я – бурный поток, который унесет тебя!

– Я – могучий бантан, который взирает с высоты на верхушки других деревьев!

– Ну, а я – лиана, которая поднимется до вершины лесного великана и удушит его!

– Довольно спорить, ты не получишь Манденга!

– Знай же, что на одной шкуре нет места двум царям. Сумаоро, ты уступишь мне место!

– Хорошо, раз ты хочешь войны, я буду воевать с тобой. Но знай, что я уже убил девять царей, головы которых украшают мою комнату! Клянусь, что и твоя голова займет место среди этих, подобных тебе, смельчаков!

– Готовься же, Сумаоро, к тому, что беды, которые обрушатся на тебя и твой народ, минуют не скоро!..

– После войны слов дело должны были решить мечи.

⁸ Вторая линия противопоставления, согласно некоторым версиям: Данкаран Туман – Сундьята.

Законный наследник – Сундьята был изгнан на чужбину Данкаран Туманом, узурпировавшим власть.

⁹ Песня “Ньяма” (версия Камара Лея [Laye Samara 1978]):

“Ньяма, ньяма, ньяма!

Ты всем служишь прибежищем,

Лишь тебе самой, ньяма, ничто не служит прибежищем!”

Литература

- Жирмунский 1962 – *Жирмунский В.М.* Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. М.–Л., 1962.
- Котляр 1985 – *Котляр Е.С.* Эпос народов Африки южнее Сахары. М., 1985.
- Мелетинский 1976 – *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М., 1976.
- Мелетинский 1986 – *Мелетинский Е.М.* Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986.
- Мелетинский 2004 – *Мелетинский Е.М.* Происхождение героического эпоса. М., 2004.
- [Ниань] 1963 – [*Ниань Д.Т.*]. Сундьята. Мандингский эпос. М – Л., 1963.
- Adam 1904 – *Adam M.-G.* Legendes historiques du Pays de Nioro (Sahel). P., 1904.
- Bird 1973 – *Bird Ch.* The Coming of Sunjata's Ancestors // Dorson R.M. African Folklore. Bloomington – London, 1973.
- Cisse et Diabate 1970 – *Cisse Diango et Diabate Massa Makan.* La dispersion des Mandeka. D'apr`es un recit du genealogiste Kele-Monson Diabate `a Karaya Cercle de Kita. Bamako, 1970.
- [Delafosse] 1959 – [*Delafosse M.*] Histoire de la lutte entre les empires de Sosso et du Mande (XIII-e siecle). Manuscrit arabe anonyme, traduit par Maurice Delafosse // Notes africaines. L'Institut Francais d'Afrique Noire. Dakar, 1959, № 83.
- Ibn Khaldoun 1959 – *Ibn Khaldoun – XV s.* Histoire des rois des peuples negres (Soudan). Extrait de Ibn Khaldoun (XV s.): Histoire des Berberes et les Dynasties Musulmanes de l'Afrique Septentrionale, traducteurs Baron De Slane et P.Casanova. T.2. P., 1917 // Notes africaines. L'Institut Francais d'Afrique Noire. Dakar, 1959, № 83.
- Innes 1974 – *Innes G.* Sunjata. Three Mandinka Versions. L., 1974.
- Laye Camara 1978 – *Laye Camara.* Le Maitre de la parole: Kouma Lafolo Kouma. P., 1978.
- Meillassoux 1967 – *Meillassoux C.* Legende de la dispersion des Kusa (Epopée Sonike). Dakar, 1967.
- Monteil 1964 – *Monteil Ch.* Les empires du Mali. Etude d'Histoire et de Sociologie Soudanaises. P., 1964.
- Niane 1960a – *Niane D.T.* Soundiata ou l'epopee mandingue. P., 1960.
- Niane 1960b – *Niane D.T.* Le probleme de Soundiata // Notes africaines. L'Institut Francais d'Afrique Noire. Dakar, № 88, 1960.
- Niane 1975a – *Niane D.T.* Le Soudan occidentale au temps des grands empires XI – XVI siecles. P., 1975.
- Niane 1975b – *Niane D.T.* Recherches sur l'empire du Mali au Moyen age suivi de Mise en place des populations de la Haute-Guinee. P., 1975.
- Sidibe 1959 – *Sidibe M.* Soundiata Keita, heros historique et legendaire, empereur du Manding // Notes africaines. L'Institut Francais d'Afrique Noire. Dakar, 1959, № 82.
- Vidal 1924 – *Vidal J.* La legende officielle de Soundiata, fondateur de l'empire Manding // Bulletin du Comite des Etudes Historiques et Scientifiques de l'Afrique Occidentale Francaise. P., 1924, t. 7.
- Zemp 1966 – *Zemp H.* La legende des griots Malinke // Cahiers d'etudes Africaines. Paris – Leide, 1966, vol. 6, № 24.